

РУССКАЯ БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ В САЛОНИКАХ
(1919–1980-е гг.)¹

Истории русской белой эмиграции в Греции посвящено на удивление мало научных работ², хотя Греция была среди тех стран, которые оказались втянутыми во внутренние русские события с самого их начала. Греция столкнулась с проблемой русских эмигрантов гораздо раньше, чем началась эвакуация Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, и к 1920 г. российские официальные представители в Греции уже имели богатый опыт расселения беженцев и оказания им помощи.

После заключения перемирия между странами, воевавшими на Македонском фронте в годы Первой мировой войны, из Греции в Россию отбыло более 11 тыс. солдат и офицеров бывшей 2-й особой пехотной дивизии, воевавшей с 1916 г. на стороне союзников³. В Греции, однако, продолжали оставаться сотни русских, не пожелавших возвращаться на родину, а также раненые и больные, находившиеся на излечении в русских, английских, французских госпиталях. Сюда же регулярно прибывали корабли с ранеными солдатами и офицерами Белой армии, воевавшими уже на полях Гражданской войны в России. Например, 6 марта 1920 г. в порт Пирей из Новороссийска ушел приспособленный под госпитальное судно пароход «Херсон», имея 1042 раненых и больных на борту⁴.

После неудавшейся интервенции Франции, Греции и Румынии на юге России первый крупный поток российских беженцев достиг Греции в апреле 1919 г. Для спасения греческого населения, проживавшего на юге России, греческое правительство предоставило несколько пароходов. Однако основная тяжесть решения проблем устройства эмигрантов из России легла на плечи российского императорского посланника в Греции Елима Павловича Демидова (1868–1943) и его супруги Софьи Илларионовны Демидовой (1870–1953), бывшей здесь уполномоченным Российского общества Красного Креста (РОКК).

Увеличившийся поток эмигрантов из России потребовал создания организации, занимавшейся непосредственно их проблемами. По инициативе

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (№ 10-01-00629а/Г).

² Из последних упомянем: *Алексеева Е.В.* Российская эмиграция в Греции (1920-е — середина 1930-х гг.) // *Новый исторический вестник*. 2005. № 2 (13). URL: http://www.nivestnik.ru/2005_2/11.shtml.

³ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 6179. Оп. 1. Д. 46. Л. 8.

⁴ См.: *Варнек П.* У берегов Кавказа в 1920 году // *Флот в белой борьбе* / Под ред. С.В. Волкова. М., 2002. С. 181.

*Снеговик у русских барачков в Харилау. 1920-е.
Архив семьи С.В. Барановой (Греция, Салоники)*

С.И. Демидовой в начале 1919 г. был создан Союз помощи русским в Греции. Она же стала его председателем, а генеральный консул России в Пирее Иван Николаевич Хаджи-Лаззаро (1880–1960) — секретарем. В задачи союза входило определение в русский лагерь нуждающихся беженцев, их трудоустройство, размещение и питание (как бесплатное, так и по льготным ценам), оказание бесплатной медицинской помощи, выдача справок, денежных пособий, организация льготных и бесплатных ванн⁵.

31 мая 1919 г. Союз помощи русским в Греции, работавший в тесном контакте с Российской императорской миссией, Союзом русских офицеров в Греции и многочисленными российскими гражданскими, военными и духовными представителями в Греции, а также с греческими и иностранными благотворительными обществами, открыл лагерь для бесплатного помещения неимущих русских беженцев. Потребность в нем была огромна. Раненых и больных размещали в госпиталях союзников и в русских медицинских учреждениях. Так, на май 1920 г. только в английских госпиталях № 43 и 52 в Салониках числилось 299 человек — участников Белого движения, находившихся здесь на излечении⁶.

17 ноября 1920 г. вдовствующая королева-мать Ольга Константиновна (1851–1926) вернулась в Грецию и после монархического переворота, происшедшего в стране, стала на один месяц, до возвращения из изгнания ее сына короля Греции Константина

⁵ См.: Союз помощи русским в Греции // Русская газета (Афины). 1919. 29 мая. № 8.

⁶ См.: ГА РФ. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–10 об.

(1868–1923), регентом Эллады с титулом «королева-мать и правительница». В это время по просьбе правительства генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля и по ходатайству Ольги Константиновны греческие власти дали согласие принять в страну еще 1742 русских эмигранта. Тысяча из них была отправлена на поселение в пригород Салоник Харилау — в барачный поселок с одноименным названием. Остальные разместились в Афинах⁷. Оказавшийся в Салониках участник Белого движения Сергей Трофимович Марков вспоминал об эвакуации: «Доктор Коховский определяет у меня возвратный тиф и отправляет на последний отходящий из города пароход, Трюм, куда меня бросают, переполнен совершенно людьми. Крики детей, стоны раненых, истерики женщин, борьба за места, вонь от отбросов и рвоты, одним словом, — настоящий ад, но канонады не слышны, выстрелы утихли... мы спасены... едем в Салоники»⁸. Лагерь русских беженцев в районе Харилау был организован в конце 1920 г. по инициативе российского военного агента и уполномоченного РОКК в Греции и на протяжении почти пятидесяти лет являлся основным центром поселения русских белоэмигрантов в окрестностях Салоник. Ранее, еще до начала массовой эвакуации, в некоторых бараках проживали больные, эвакуированные из армии А.И. Деникина⁹. С октября 1915 г. по январь 1916 г. в этом районе располагался французский госпитальный городок для нужд союзнических войск на Македонском фронте. Длинные здания без фундамента были построены под казармы, склады, больничные корпуса. После окончания Первой мировой войны бараки были приобретены греческой Первой строительной компанией Харилау, которая по договоренности с французским командованием (к которому обратилась с просьбой о помощи королева Ольга Константиновна) обязалась сдавать часть бараков русским беженцам в аренду на льготных условиях. До 1921 г. за бараки владельцам платили французы. А затем была создана специальная комиссия, которая распределяла плату на всех живущих в лагере русских сообразно занимаемому ими помещению¹⁰. Прибывшие на кораблях в порт Салоники русские беженцы отправлялись первоначально на дезинфекцию в район Каламарья, а затем уже в лагерь Харилау, где они проходили месячный карантин в изоляторе. О том, как происходило расселение эмигрантов, сохранилось воспоминание Л.М. Савелова-Савелкова¹¹, с женой и дочерьми оказавшегося в Харилау: «Мы были весьма об-

⁷ См.: ГА РФ. Ф. 5781. Оп. 1. Д. 13. Л. 22–22 об.

⁸ Воспоминания Сергея Трофимовича Маркова. Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. А-70. Л. 6.

⁹ См.: ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 193. Л. 49.

¹⁰ См.: *Κοτούλα Η.* Ελληνική παροικία της Θεσσαλονίκης (1920 μέχρι σήμερα). Διπλωματική εργασία στο Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο της Θεσσαλονίκης 1986–1987. Σ. 24. Пер. автора статьи. Работа любезно предоставлена генеральным консулом России в Салониках А.А. Поповым.

¹¹ *Савелов-Савелков* Леонид Михайлович (1868–1947) — генеалог, историк, камергер. Один из основателей и учредителей Историко-родословного общества. С 1906 г. председатель Археологической комиссии Особого комитета по устройству музея войны 1812 года. С 1908 г. заведующий Московским архивом Министерства императорского двора. Профессор Московского археологического института. В годы Первой мировой войны начальник санитарной и эвакуационной части Красного Креста. С 1920 г. в эмиграции в Греции. Преподавал в Афинах в русской прогимназии, был представителем парижского Земгора. В 1923 г. переехал в Сербию, в 1926 г. вернулся в Афины. Член Союза русских эмигрантов в Греции. В 1934 г. основал журнал «Новик». Жена: Надежда Адриановна, дочери: Надежда (осталась в России), Ариадна (США), Елена (Франция) и Вера (США).

радованы, когда нам сказали, что первым делом поведут в баню. Мы не только не могли мыться в течение 45 дней, но не имели возможности переменить даже белье. Вещи наши должны идти в дезинфекцию. Я сложил в большой кожаный чемодан все мелкие вещи (воротники, муфты, фотографический аппарат, бинокль и разную мелочь) и просил “директора” не отдавать его в дезинфекцию. Он обратил внимание на мою карточку, висевшую на чемодане. На ней было указано мое придворное звание и должность. Директор знал по-русски и спросил: “Это Ваша карточка?” И получивши ответ, что “да”, он ответил, что мои вещи не будут дезинфицированы. Но в результате, пока мы были в бане, чемодан был украден. Мои заявления ни к чему не привели, и о нас позаботиться было некому. Баня была сплошным безобразием, помещение, в котором мы разделись, было грязно, скамеек не было. Пришлось проделывать все на голом и грязном полу. В самой бане воды долго не подавали, затем пошел кипяток, но не было холодной, затем горячая прекратилась, пошла холодная. И в результате через 2 часа мы вышли такими же грязными, как и вошли. Помещение для одевания было холодным, дверь не закрывалась, дуло невероятно, пол был покрыт вершка на два-три жидкой грязью. Платья нам долго не приносили. Сидеть было не на чем. Когда же прислали платья, то вывернули их на пол, т. е. в грязь. У многих даже платья пропали: кто остался без штанов, кто без пиджака и т. д. Дезинфекцией не убили даже вшей, которых мы в обилии получили в парходных трюмах. Поздно вечером нас выдворили в лагерь, причем никто не позаботился нас накормить. Выдали только по копченой рыбе и одному апельсину. Бараки, в которых мы все устроились, отопления не имели, в окнах была промасленная бумага, крыши протекали (потолков не было). Вообще, это был тихий ужас, холода в Салониках стояли изрядные, вода в бараках замерзала. Часто свирепствовал норд-ост, сносивший крыши. Кормили нас вначале недурно, но скоро это прекратилось, и паек постепенно стал уменьшаться, так что приходилось покупать продукты, т. е. отдавать вещи. Дочери стали искать работы»¹².

Бараки лагеря в Харилау, где разместились русские беженцы, строились французами как временные сооружения на военный период, поэтому сложенные из кирпича стены были тонкие, полы — цементные, холодные. Некоторые комнаты позднее стали отапливать буржуйками. С каждой стороны в бараке было по шесть комнат, в центре — одна большая. В некоторых бараках, когда там появились русские эмигранты, в больших комнатах были устроены: столовые «Единение», «Перекресток», «Яр», ресторан «Черная кошка», лавки полковника К.А. Караева, корнета Р.А. Зенькова, П.Г. Олизаренко, А.Н. Феоктистова, полковника А.П. Перекрестова, полковника Л.К. Щербакова, Царта, Н.И. Крестинского, госпожи Ю.Ф. Турской, многочисленные мастерские, библиотека, театр госпожи Чижовой и т. д.¹³

Существовали также инвалидный барак, Донской казачий барак «М», барак кавказских беженцев, барак «Единение», изолятор и проч. Много в лагере было одиноких, которые жили в комнатах размером 3 × 2 метра. В такой комнате уме-

¹² ГА РФ. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 1а. Л. 194.

¹³ См.: Там же. Д. 22. Л. 44.

щались только стол, кровать и шкаф. Хотя в лагере был водопровод, канализации не было, и использованную воду выносили ведрами. Душ устраивали в корыте, нагревая воду на примусе. Все санитарные удобства были вне барака: один туалет на множество зданий. Многим приходилось переходить дорогу, чтобы дойти до этого помещения¹⁴.

Прибывшие в Салоники русские эмигранты стали создавать многочисленные общества и союзы: Союз увечных воинов в Салониках (председатель полковник Раков; 74 члена)¹⁵, Общество единения русских эмигрантов в Салониках (председатель действительный статский советник А.Н. Кулаков)¹⁶, Донская казачья станица (председатель — станичный атаман генерал-лейтенант В.Н. Попов, затем генерал-майор З.С. Алпатов; 152 члена)¹⁷, Кубанская казачья станица (полковник Б.Н. Вишнеvский; 75 членов), Союз русских офицеров в Салониках (председатель генерал-лейтенант Ф.Д. Лебедевич-Дравевский; 137 членов)¹⁸, Союз георгиевских кавалеров и участников первого Кубанского похода (председатель генерал-майор Г.Ф. Туманский; 84 члена)¹⁹, Союз эллинов — офицеров бывшей армии в Греции (председатель генерал-майор М.Ф. Ананио)²⁰, Союз стариков салоницкого лагеря (председатель М. Кондратьева)²¹, Общество офицеров Генерального штаба (председатель генерал-лейтенант П.А. Томилов; 10 членов), Монархическое общество (председатель генерал-майор Виктор Дмитриевич Путинцев), Студенческий союз, Клуб христианской молодежи²², Общество любителей спорта²³, Союз русских студентов²⁴, Союз лиц с высшим образованием и т. д.²⁵ Для помощи в трудоустройстве проживающим в лагере Хариллау, среди которых только 20 % имели работу в 1921 г.²⁶, по инициативе российского императорского посланника Е.П. Демидова было создано Бюро трудовой помощи в Салониках во главе с его председателем адмиралом князем М.С. Путятиным. Кроме последнего в бюро вошли: генеральный консул в Салониках В.С. Щербина, генерал-лейтенант П.К. Писарев, генерал-лейтенант В.Н. Попов, полковник К.М. Перемыкин, действительный статский советник П.П. Перлик, секретарь бюро Н.Н. Петропуло²⁷. По инициативе бюро для трудоустройства живших в лагере Хариллау были открыты: сапожная мастерская (ответственный генерал П.К. Писарев)²⁸; дамская мастерская (ответственная Н.А. Томилова)²⁹; корзиноч-

¹⁴ См.: Воспоминания Татьяны Васильевны Дыко. Архив автора (Афины, Греция).

¹⁵ См.: ГА РФ. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 13. Л. 58–59.

¹⁶ См.: Там же. Л. 29.

¹⁷ См.: Там же. Л. 111.

¹⁸ См.: Там же. Л. 136–137 об.

¹⁹ См.: Там же. Л. 46.

²⁰ См.: Там же. Л. 131.

²¹ См.: Там же. Л. 129.

²² См.: Там же. Л. 130.

²³ См.: Там же. Л. 42.

²⁴ См.: Там же. Л. 45.

²⁵ См.: Там же. Л. 64.

²⁶ См.: Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 36.

²⁷ См.: Там же. Ф. 5779. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

²⁸ См.: Там же. Л. 21.

²⁹ См.: Там же. Л. 20.

но-игрушечная мастерская; художественно-музыкальная мастерская (заведующий граф М.Н. Толстой). Действительному статскому советнику Д.С. Перлику было поручено приискание работ вне лагеря и устройство выставок изделий беженцев, генерал-лейтенанту В.Н. Попову — ведение денежной и материальной отчетности по всем отраслям труда; полковнику К.М. Пермикину — регистрация беженцев, пользующихся пайком и уже имеющих заработок; драгоману Генерального консульства в Салониках Н.Н. Петропуло — секретарские обязанности бюро³⁰. В лагере существовала также столярная мастерская³¹. После отъезда князя М.С. Путятина председателем Бюро трудовой помощи в лагере русских беженцев стал генерал-майор В.Е. Кирилов³².

Первым комендантом лагеря по распоряжению Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля был назначен генерал-лейтенант П.А. Томилов, после его отъезда в Болгарию — генерал-майор В.Д. Путинцев, а затем комендантом стал генерал-майор В.Е. Кирилов. На сентябрь 1921 г. чинами администрации в Харилау числились: комендант лагеря генерал-лейтенант П.А. Томилов; начальник канцелярии полковник П.М. Топальский; адъютант капитан Б.Ф. Лебедевич-Драевский; письмоводитель чиновник Л.Г. Жохов; постоянный ординарец корнет Карпов; посыльный казак Могильный; заведующий порядком (полицмейстер) генерал З.С. Алпатов; квартирмейстер полковник И.А. Черкасов; уборщик полковник Ф.И. Криворотенко³³. Чины администрации лагеря получали от РОКК зарплату³⁴. В Харилау был создан суд чести. На март 1921 г. в Харилау числилось 1,5 тыс. беженцев, из них — 944 эвакуированных воина, разместившихся (некоторые вместе с семьями) в 49 бараках. Многие из них были ранены, больны, нуждались в медицинской помощи. К концу 1921 г. в лагере в Харилау находились 1149 человек³⁵. Питание самых бедных русских в лагере осуществлялось за счет греческого Министерства призрения³⁶. Нездоровый малярийный климат Салоник, буквально косивший людей, а также отсутствие работы вынуждали многих уехать как в другие страны, так и в разные регионы Греции. 30 мая 1921 г. в лагере было создано объединение сибиряков «Сибирская группа» из 195 человек для изыскания возможности отъезда на Дальний Восток для поддержки Дальневосточного правительства. В тот же год группа через Японию вернулась в Сибирь³⁷. 1 апреля 1923 г. из Донского казачьего барака «М» 5 офицеров, 1 чиновник и 39 казаков уехали в советскую Россию³⁸. В 1924 г. страну стали покидать русские эмигранты в связи с полученным разрешением на въезд и на работу от правительства Франции³⁹. Много эмигрантов разъехалось и по самой Греции. После подписания Лозаннского дого-

³⁰ См.: ГА РФ. Ф. 5779. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

³¹ См.: Там же. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 22. Л. 17.

³² См.: Там же. Ф. 7525. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

³³ См.: Там же. Ф. 4651. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.

³⁴ См.: Там же.

³⁵ См.: Там же. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 24. Л. 36.

³⁶ См.: Там же. Ф. 5780. Оп. 1. Д. 6. Л. 107.

³⁷ См.: Там же. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 13. Л. 51.

³⁸ См.: Там же. Д. 22. Л. 23.

³⁹ См.: Там же. Ф. 5778. Оп. 1. Д. 78. Л. 14–99.

*Русские эмигранты в Салониках. Май 1924.
Архив семьи В.А. Белофастовой (Греция, Салоники).
Надпись на обороте фотографии: «Веселый месяц май»*

вора в июле 1923 г. Греция, потерявшая часть ранее приобретенных территорий, начала обмен населением с Турцией и Болгарией. Для распределения земли между сотнями тысяч беженцев — греков из Малой Азии — потребовалось создание топографической службы, в которой нашли работу многие русские офицеры-эмигранты, уехавшие одни или с семьями в города Серры, Кавалу, Драму, Комотины. Русские находили работу в греко-болгарской топографической компании, в обществе по осушению болот, на строительстве железной дороги Афины — Салоники. Потребность в топографах привлекла в Грецию в 1927 г. несколько десятков русских офицеров, живших до этого в Болгарии. В Харилау их окрестили «болгарские мальчики». Многие работали в американской сельскохозяйственной школе. Топографы были наиболее благополучно устроившейся частью эмигрантского общества. В «Информационном листе I армейского корпуса» от 15 мая 1927 г. мы читаем: «Большинство чинов корпуса группируются в Салониках и Комотины. Род занятий — работа в качестве топографов, преимущественно в греко-болгарской комиссии на сравнительно хороших окладах. Отмечается хорошее отношение со стороны властей и общества и общее довольство»⁴⁰. Топографам практически сразу удалось получить и греческое гражданство. Хотя получение первыми пятью русскими эмигрантами греческого гражданства было воспринято в русской среде как

⁴⁰ Информационный лист I армейского корпуса (Ницца). 1927. 15 мая.

*Русские эмигранты в Харилау. 1929.
Архив семьи В.А. Белофастовой*

предательство, и они были осуждены общественным мнением. Эмигранты предпочитали жить по нансеновским паспортам⁴¹. В лагере остались пожилые, инвалиды, женщины и те, кто, имея семьи, мог работать в Салониках. Все мастерские, столовые и центры труда, поддерживающие русских беженцев в 1920-е гг., к концу 1930-х гг. прекратили свое существование.

Руководство лагерной жизнью осуществляла русская администрация: комендант лагеря, его заместитель, начальник канцелярии, письмоводитель, ординарец, посыльный, полицмейстер, квартирмейстер, уборщик. Каждый барак имел начальника, старшего по званию среди проживавших в бараке военных⁴². На 1921 г. начальниками барачных числились: генерал от инфантерии М.А. Пржевальский, генерал-лейтенант П.А. Томилов, генерал-лейтенант Ф.Д. Лебедевич-Драевский, генерал-майор В.Д. Путинцев, генерал-майор А.А. Веселовский, генерал-майор А.Е. Егоров, генерал-майор В.Д. Крыгин, генерал-майор С.Н. Лазарев, генерал-майор Г.Ф. Туманский, генерал-майор Т.О. Бенескул, полковник И.Д. Ахшарумов, полковник В.А. Колоколов, полковник В.В. Невзоров, полковник В.А. Коломейцев, полковник Н.А. Михельсон, полковник С.Н. Староскольский, полковник А.П. Перекрестов, полковник В.И. Михельсон, полковник Ф.А. Смирнов, полков-

⁴¹ См.: *Κοτούλα Η.* Ελληνική παροκοία της Θεσσαλονίκης (1920 μέχρι σήμερα). Διπλωματική εργασία στο Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο της Θεσσαλονίκης 1986–1987. Σ. 17.

⁴² См.: ГА РФ. Ф. 4651. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.

ник Н.Ф. Левенгаупт, полковник М.К. Щербаков, капитан 1-го ранга Г.А. Быков, корнет И.А. Трусевич, сотник Т.Д. Разогреев, штабс-капитан Б.И. Давыдов, поручик П.Я. Падаликов, чиновник П.Ф. Беляев и др.⁴³ В лагере Харилау находились чины пехоты, артиллерии, кавалерии, технических войск, Генерального штаба, флота, авиации, нестроевые чины, военно-санитарные чины, военные чиновники, солдаты, казаки. 335 военных зарегистрировались в качестве добровольцев, желающих явиться в Русскую армию по первому зову главнокомандующего⁴⁴. В 1925 г. согласно приказу генерал-губернатора Македонии русские беженцы должны были подчиняться только греческим законам и властям. Тем же приказом отменялась власть коменданта русского лагеря, а также все изданные этим комендантом правила.

Из немногим более тысячи проживавших в лагере 118 человек были признаны в 1921 г. непригодными к труду. Врачи отмечали 100-процентную заболеваемость малярией и высокую смертность. Из сорока больных, скончавшихся в 1922 г. в лагере, двадцать два умерли от малярии⁴⁵.

В 1921 г. в лагере был открыт лазарет, в котором стали работать доктор медицины военный врач Н.Ф. Петров и санитар. По списку, поданному руководством лагеря в 1921 г., числятся проживающими в лагере 5 врачей, 3 акушера, 2 фельдшера, 6 сестер милосердия. Среди врачей лагеря упоминаются врач профессор Берников, доктор Воскресенский⁴⁶. «Санитарное состояние лагеря отвратительно, т. к. абсолютно нет средств для его очистки и вывоза мусора. Лагерный лазарет влачит жалкое существование ввиду отсутствия медикаментов, перевязочного материала, термометров, подкладочных суден, белья и пр. Также нет вовсе средств для оплаты труда персоналу, без чего нет возможности правильной постановки дела», — писал в январе 1921 г. комендант лагеря⁴⁷. Посещаемость лазарета за месяц доходила до 400 человек, некоторых, особенно тяжелых, помещали в лазарет лагеря, состояние которого было таким ужасающим, что доктор Н.Ф. Петров обратился к руководству лагеря с просьбой организовать благотворительную акцию. В лагере существовала и аптека, некоторые медикаменты для которой поступали от Американского Красного Креста⁴⁸. По распоряжению уполномоченного РОКК врач получал 270 драхм в месяц, санитар — 150⁴⁹. 13 декабря 1924 г. в помещении канцелярии лагеря начался и платный прием амбулаторных больных, который проводил врач Н.Ф. Петров⁵⁰.

До 1924 г. центром, в котором лечили русских беженцев в Салониках, была русская больница во имя святого великомученика Димитрия Солунского, открытая еще 1 февраля 1910 г. Ее постройка была начата в 1905 г. по инициативе и на средства монахов русских афонских обителей «как учреждение общепольное и,

⁴³ См.: ГА РФ, Ф. 7517. Оп. 1. Д. 24. Л. 15–27.

⁴⁴ См.: Там же. Л. 7–11 об.

⁴⁵ См.: Там же. Д. 28. Л. 36.

⁴⁶ См.: Там же. Д. 14. Л. 101.

⁴⁷ Там же. Л. 80.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 63, 135.

⁴⁹ См.: Там же. Л. 145.

⁵⁰ См.: Там же. Л. 214.

в частности, необходимое для подачи медицинской помощи нуждающимся в ней жителям Македонии (насчитывающей тогда два с половиной миллиона жителей), лишенным возможности иметь собственные больницы. Больница позднее была передана под покровительство русского правительства»⁵¹. Участок земли площадью в 11 тыс. квадратных пик (13 тыс. квадратных сажений) был приобретен у болгарской общины в наиболее чистой и здоровой части города. Для обсуждения всех вопросов и ведения дел в этой лечебнице было учреждено особое попечительство в Генеральном консульстве России в Салониках⁵². После Первой мировой войны больница перешла в ведение РОКК и содержалась им до августа 1923 г.⁵³

В 1918 г. благочинный 2-й пехотной особой дивизии протоиерей Павел Крахмалев был «командирован в русский госпиталь Димитрия Солунского для исполнения почетной обязанности госпитального священника и для приема там походных церквей, святынь, антиминсов и разной церковной утвари, присылаемой после расформирования полков и маршевых батальонов»⁵⁴. С 1923 г., после принятия хиротонии во священника, настоятелем церкви при больнице стал выпускник Казанского университета И.И. Голоколосов⁵⁵.

С 1921 г. по 1923 г. старшим врачом больницы был П.М. Ластовцев, до него — госпитальный хирург приват-доцент К.С. Софотеров, а затем, с октября 1923 г., лечебница и ее имущество были переданы в ведение вновь назначенному заведующим доктору медицинских наук Н.Ф. Петрову. Больница имела две палаты для бедных русских на 17 кроватей и 8 платных палат на 15 кроватей. Персонал больницы состоял из директора, восьми врачей, завхоза, трех сестер милосердия, пяти санитаров, повара с помощником, прачки, рассыльного, дворника.

Только в 1923 г. в больнице обслужили 1973 амбулаторных больных, сделали 79 операций, 1336 перевязок и т. д.⁵⁶ Так же как и в русской больнице в Пирее, персонал салоникинского госпиталя работал не покладая рук.

Помимо русской больницы, эмигрантов из России обслуживали и во французской больнице «Лимодон носон» («Λοιμόδων Νόσων»), делали бесплатные операции в больнице при Американском Красном Кресте, при английской больнице лагеря Каламарья. Помогал русским эмигрантам и «Мальтийский крест». А старцы «Братства русских обителей келий во имя Царицы Небесной» Святой горы Афон в феврале 1924 г. собрали на нужды больницы в Салониках 435 серебряных драхм⁵⁷. Зная о предстоящем признании Грецией советской России и о возможном переходе больницы во имя святого великомученика Димитрия Солунского к Греции, бывший императорский посланник Е.П. Демидов и его супруга стали искать средства спасти русскую собственность всеми возможными способами. В результате переговоров с Сербией был предложен вариант сохранения больницы на условиях арен-

⁵¹ Шабунин И.Я. Очерк сооружения русской лечебницы во имя святого великомученика Димитрия Солунского. СПб., 1911. С. 2–4

⁵² См.: ГА РФ. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 21. Л. 128.

⁵³ См.: Там же. Л. 102.

⁵⁴ Там же. Ф. 6112. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁵⁵ См.: Там же. Ф. 5772. Оп. 1. Д. 38. Л. 9.

⁵⁶ См.: Там же. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 21. Л. 102.

⁵⁷ См.: Там же. Л. 66–67.

Русские эмигранты в Харилау.

*Слева направо: неизвестный, В.В. Баранов, барон А.А. ван дер Шкруф,
М.А. Баранова, штабс-капитан К.В. Бильдзюкевич, Л.Д. Кочетков.
1930-е. Архив семьи С.В. Барановой*

ды на 8–10 лет сербской стороной при условии сохранения русского персонала при старшем враче — сербе и пятнадцати бесплатных коек для русских⁵⁸.

Но спасти больницу русским не удалось. 15 ноября 1924 г., несмотря на наличие большого количества больных, она была закрыта и опечатана в присутствии доктора Коялиса и главного санитарного инспектора Коппариса⁵⁹. Неудачей закончилась и попытка сохранить за русским приходом церковь при больнице.⁶⁰ С момента национализации больницы Святого Великомученика Дмитрия Солунского все русские, нуждающиеся в медицинской помощи, отправлялись по записке в английский госпиталь в районе Каламарья.

В 1920-е гг. в лагере Харилау была создана Свято-Никольско-Дмитриевская русская церковь. Ее настоятелем с 6 декабря 1920 г. был священник о. Иоанн (Турский)⁶¹. Первый иконостас был расписан учившимся в петербургской

⁵⁸ См.: ГА РФ. Ф. 9141. Оп. 1. Д. 174. Л. 102.

⁵⁹ См.: Там же. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 21. Л. 128.

⁶⁰ См.: Там же. Ф. 6112. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁶¹ См.: Там же. Ф. 5772. Оп. 1. Д. 38. Л. 15. В книге М.В. Шкаровского «История русской церковной эмиграции» (СПб., 2009) указывается, что церковь была создана в приобретенном в 1929 г. эмигрантами бараке, а ее настоятелями одновременно были о. Иоанн (Турский) и о. Борис (Симеонов) (С. 167–168). К сожалению, автор не указывает первоисточники, но в многочисленных документах, касающихся русской эмиграции в Салониках, церковь в лагере Харилау упоминается с 1920-х гг. и ее настоятелем числится о. Иоанн (Турский) до переезда в Афины в 1944 г., а регентом — Александр Белонин, до кончины последнего от голода в годы Второй мировой войны (см.: ГА РФ. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 24. Л. 26 об.).

*Скауты — дети русских эмигрантов. Харилау. 1930-е.
Архив семьи В.А. Белофастовой (Греция, Салоники)*

Академии художеств подпоручиком Николаем Николаевичем Орловым. Позже посетивший в 1952 г. Харилау архиепископ Серафим (Иванов) вспоминал: «Приезжаю я в Салоники, вхожу в русский храм в Харилау (предместье Салоник) и... глазам своим не верю: я в храме Преп. Серафима Саровского, в котором я постригался 26 лет тому назад на Афоне. Его невозможно не узнать. Иконостас, запрестольный образ, заклиросные иконы-сени — все это дорогой добротной московской работы, покрытые густой настоящей позолотой. Подарок московского купечества Пантелеимоновскому монастырю в 1903–4 году после прославления св. мощей преп. Серафима.

Спрашиваю у настоятеля прихода, протоиерея о. Павла (Шамильского), откуда у них этот иконостас и эти иконы? Оказывается, что полтора-два года тому назад русские фессалоникийцы обратились к Пантелеимоновскому монастырю с просьбой пожертвовать им иконостас и утварь какого-нибудь из монастырских параклисов (домовых церквей), в большинстве которых служба теперь уже не совершается и они стоят закрытые. В то же время иконостас в русской солунской церкви пришел в полную ветхость. И вот афонцы почему-то решили передать в Солунь именно Серафимовскую церковь, точнее все ее внутреннее убранство, ту самую церковь, в которой я постригался»⁶².

⁶² Серафим (Иванов), архиеп. РПЦЗ. Паломничество из Нью-Йорка в святую землю (через Рим, Афины, Константинополь, Бейрут — на самолете) // Русский инок (Джорданвилль, США). URL: <http://www.russian-inok.org/books/serafin.html>.

*Русская Свято-Никольско-Дмитриевская церковь в Харилеу.
Крайний слева — штабс-капитан Н.Я. Цыганков. 1937.
Архив семьи В.А. Белофастовой*

Среди других важнейших вопросов лагерной жизни была забота о детях. По инициативе родителей и преподавателей, оказавшихся в беженском лагере, для открытия школы был произведен кружечный сбор по Салоникам, который дал около 5,5 тыс. драхм. 8 (21) марта 1921 г. в лагере состоялось открытие первого, второго и четвертого классов русской школы, а также детского сада. Классы размещались в деревянном бараке, бывшем ранее операционной французского военного госпиталя. Зияющие оконные проемы были заклеены бумагой, вместо ученических парт появились грубо сколоченные столы и скамьи, не было печей, и дети, так же как и учителя, занимались закутанные в неприглядные беженские теплые одеяльца⁶³. С 1921 г. по 15 ноября 1924 г. директором состоял С. Зубарев (бывший директор Павлоградской 2-й мужской гимназии)⁶⁴. В день открытия школы было выдано 500 драхм из средств Бюро трудовой помощи русским при консульстве в Салониках⁶⁵. С 1923 г. школа стала получать ежемесячно от Земгора 1,5 тыс. драхм. Были также открыты отдельные вечерние курсы. На этих курсах в конце 1921 г. обучалось 11 учеников, пятеро из которых получили аттестат⁶⁶. В первый год существования гимназии в ней было 78 учеников и 11 педагогов⁶⁷.

⁶³ См.: ГА РФ. Ф. 5772. Оп. 1. Д. 50. Л. 1 об.

⁶⁴ См.: Там же. Ф. 5781. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

⁶⁵ См.: Там же. Ф. 5779. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

⁶⁶ См.: Там же. Ф. 5772. Оп. 1. Д. 50. Л. 1 об.

⁶⁷ См.: Там же. Л. 2.

*Крестный ход на Пасху около Свято-Никольско-Дмитриевской церкви в Харилеу. 1938.
Архив семьи В.А. Белофастовой*

Все преподаватели, за исключением законоучителя, были лицами с высшим и специальным образованием. Преподавание в гимназии велось по программе мужских гимназий. Считаясь с условиями длительного пребывания детей за границей, педагогический совет принужден был обратить особенное внимание на изучение иностранных языков и математических наук. Поэтому в гимназии преподавали французский и немецкий языки (в вечернее время для желающих учеников преподавали также и английский язык, алгебру, геометрию, тригонометрию, аналитическую геометрию, черчение и т. д.). Почетным попечителем гимназии стала С.И. Демидова. После отъезда из Греции директора гимназии С. Зубарева ее директором стал священник И.И. Голоколосов (он же — председатель Союза русских педагогов в Греции). Преподавательский состав гимназии был следующий: генерал-лейтенант Ф.Д. Лебедев-Драевский (преподаватель старших классов и казначей Союза русских педагогов в Греции); полковник Ф.А. Гульбе (преподаватель и секретарь); священник Иоанн Турский (преподаватель и настоятель лагерной церкви); З.И. Кирилова (преподавательница младших классов); полковник Ф.И. Криворотенко (преподаватель младших классов); К.А. Рыков (преподаватель греческого языка); Матильда Пандос (преподавательница французского языка)⁶⁸. В середине 1930-х гг. гимназия из-за невозможности ее легализации по греческим законам прекратила свое существование.

⁶⁸ См.: ГА РФ. Ф. 5772. Оп. 1. Д. 50. Л. 12.

20 марта 1922 г. для детей лагеря решили организовать отряд скаутов. Скаутмастером стал П.А. Берников. Для общего наблюдения за работой как в Салоники, так и в Афины был приглашен капитан З.К. Гембицкий, а после его отъезда во Францию в 1925 г. наблюдение за работой скаутов было поручено полковнику Генерального штаба И.Ф. Петрову. Скауты жили интересной жизнью, совершали походы на Афон, гору Олимп, разбили летний лагерь у подножия горы Хориат — в любимом месте для лагерей и походов⁶⁹. О тех временах остались воспоминания одной из герл-скаутов Светланы Васильевны Бераха (урожд. Барановой): «Было очень много бараков, и во всех бараках жили русские. Целый поселок. Была церковь. Греки любили приезжать на праздники в Харилау. Это было большим шиком — праздники и крестные ходы в русской Свято-Никольско-Дмитриевской церкви. Церковь была ближе к парку и гораздо меньше, чем нынешняя греческая. Греческая церковь сейчас расположена в бараке, где был наш театр в Харилау. Главный скаут П.А. Берников был из хорошей русской семьи. Своих детей у него не было, и он очень нами всеми занимался. Его даже греческие скауты почитали. Когда он умер, то его также и греки с большим почетом хоронили. Работы у него не было. Он жил в лагере. В те времена было очень трудно найти в Греции работу. Он абсолютно голодал. И только на именины, когда они были у кого-нибудь, он наедался. Он собирал детей, и мы отправлялись в поход и уходили далеко, за двадцать с лишним километров туда и столько же обратно. И мы ходили с ним и собирали ежевику. В Харилау были разные общества. Общество инвалидов, например. Инвалиды получали где-то по две драхмы в месяц. Была библиотека. Книги привезла Клавдия Васильевна Лебедевич-Драевская из России и сдавала их в аренду. Этим и жила. Был и спортклуб. Организовывали и балы. Балы были настоящими. Делали их как в бараках, так и арендовали другие помещения. В театре была сцена, занавес, декорации. Театр был в том помещении, где сегодня в Харилау греческая церковь. Продавали билеты. Богатых людей не было. Все праздники почти всегда для русских детей устраивал П.А. Берников. Всегда были для детей подарки, а в них конфеты, мандарины, орехи. И Дед Мороз был, и Снегурочка. Все делали русские костюмы, учили танцы, песни. Русский госпиталь был недалеко отсюда. Я там родилась. Когда его забрали у русских, то он первое время не был госпиталем, а был греческой школой. Кажется, только сейчас он стал снова госпиталем. Большинство женщин в лагере были с высшим образованием. Красавицы. Многие голодали. Языка никто не знал. Греческий язык большинство так и не выучили. Балы были от общества русских военных инвалидов и русских эмигрантов. Самый главный — это был бал для инвалидов. Снимали помещение на набережной в Салониках в кинотеатре “Паллас”. Приезжал тогда А.М. Жуковский из Сербии с женой Яной Владимировной Васильевой. Они были солистами Народного театра оперы и балета в Белграде. А родители его Жуковские жили в бараке в Харилау. Иногда А.М. Жуковский привозил с собой и других актеров. Эти балы я помню. Мне тогда было тринадцать-четырнадцать лет. Хоронили русских в разных местах.

⁶⁹ См.: *Вязьмитинов А.М. Национальная организация русских скаутов в Греции // Русские скауты / Отв. ред. А.М. Вязьмитинов. San Francisco: Изд. Центрального штаба национальной организации Русских скаутов, 1969. С. 140–144.*

*На основании русского дома престарелых. Салоники. 1956.
Архив семьи В.А. Белофастовой*

Сначала еще в 1920-х годах хоронили на союзническом кладбище в Зейтенлик<е>, потом на городском греческом, затем в Каламарье»⁷⁰.

В 1935 г. для организации жизни русских эмигрантов в Салониках и окрестностях и для защиты их прав был создан Союз русских эмигрантов в Македонии и Фракии с отделениями в Кавале, Дrame, Комотини. По инициативе союза начали сбор средств на поддержание мемориала на русском участке союзнического кладбища Зейтенлик и занялись приведением в порядок, в том числе и юридический, кладбища в Каламарье. По просьбе союза Муниципальный совет Каламарьи решением № 228 от 30 сентября 1938 г. предоставил официально участок для Союза русских эмигрантов в Македонии и Фракии, а Генеральная администрация Македонии (г. Салоники) решением № 209433 от 23 декабря 1938 г. данное решение утвердило с припиской губернатора Македонии «на вечные времена».

К 1940-м гг., по воспоминаниям потомков эмигрантов, выросших в Харилау, там оставалось не более 20 русских барачков. С началом Второй мировой войны в Харилау, так же как и во всю Грецию, пришел страшный голод. Обстановку, в которой жили находившиеся здесь эмигранты, хорошо передает рассказ Веры Сократовны Меланиди-Гуни о последних днях жизни участника Первой мировой и Русско-японской войн генерал-майора, георгиевского кавалера Вячеслава Евгеньевича Кирилова, умершего в 1942 г.: «Тогда все голодали. Я была маленькой

⁷⁰ Воспоминания Светланы Васильевны Бераха (урожд. Барановой). Запись беседы 6 февраля 2008 г. Архив автора (Афины, Греция).

девочкой, но так часто в те годы хоронили и отпевали в русской церкви в русском лагере Харилау в Салониках, что я тогда выучила панихиду наизусть. Бараки зимой не топились. Я помню одного русского. Когда его нашли, у него во рту была сырая свекла, и он был весь скрюченный. Он умер от холода и голода. А взрослые потом говорили, что он был ученым и у него в вещах нашли много математических записей, расчетов. Где это все?

Генерал В.Е. Кирилов летом 1942 г. пошел по делам к председателю Союза русских эмигрантов в Македонии и Фракии полковнику Д.С. Пантазидису и по дороге упал. На следующий день у него страшно распухла рука. Я, моя мама, Кочетков, жена Кирилова Зинаида Ивановна повели его к врачу. Идти надо было очень далеко в гору. Стояла невероятная жара. Был август месяц. Дороги были не асфальтированы. В.Е. Кирилов все время останавливался: от голода и боли у него не было сил идти. Он поднимал к небу глаза и тяжело вздыхал. На нем был одет костюм, рубашка, и я помню, что из рукава сочилась жидкость. У него начиналась гангрена. Потом мы ждали часа полтора-два, пока его примет врач. Мест свободных в больнице не было. Но все уговорили врача взять его, так как он бы уже не дошел бы обратно. Помню, когда его положили в кровать, он стал у всех просить прощение, в том числе и у меня, мне было тогда шестнадцать лет. “Простите, Верочка, что я вас так замучил”. А когда мы пришли утром двадцать шестого августа, то нам сказали, что он уже умер. Хоронили его без всяких почестей в очень дешевом гробу, который был так плох, что некоторые доски отвалились, и везли его на кладбище Каламарья, где был русский участок, на простой телеге. За ним шла горсточка больных, изморенных голодом и болезнями людей. И долго еще все жители русского лагеря Харилау переживали, что не смогли такого генерала похоронить достойно⁷¹.

Про положение в Харилау в 1950-е гг. остались воспоминания архимандрита Серафима: «В настоящее время русский приход насчитывает какую-нибудь только сотню членов, из которых почти половина — старики, старухи и инвалиды. Этим несчастным некуда выехать и вообще некуда деться. В Греции социальная помощь иностранцам отсутствует: своих греческих беженцев, о которых надо заботиться бедному государству, хоть отбавляй. И вот эти несчастные русские старики и инвалиды живут в ужасающей нищете. Вообразите себе полуразвалившиеся бараки, разделенные деревянными перегородками на маленькие клетушки. За неплатеж электричество в них давно выключено. Большинство клетушек не имеет печек, а зимы в Салониках достаточно холодные. В некоторых нет даже окон, ибо стекла давно разбились, а вставить новые не на что. Дыры просто заткнуты тряпками или забиты картоном. Кто может ходить, те в зимнее время большую часть дня проводят в церкви, которая для сего специально отапливается. Дивная красота этого замечательного храма, как мне говорили, действует успокаивающе и несколько подбадривающе на этих несчастных. “Мы здесь себя снова людьми чувствуем”, — говорят они. Церковь для них является в то же время единственным источником существования. Все мало-мальски зарабатывающие прихожане обложили себя максимальной для их сил и возможностей раскладкой, из кото-

⁷¹ Воспоминания Веры Сократовны Меланиди-Гуни. Запись беседы 25 декабря 2008 г. Архив автора (Греция, Афины).

рой церковь и выдает пособия этим несчастным беднякам. Некоторые прихожане регулярно носят обед наиболее немощным, не могущим уже встать с постели старушкам или старичкам. Однако русские фессалоникийцы, при всем желании, просто не в состоянии сами содержать этих страдальцев. Ведь почти на каждого работающего приходится по одному неработающему.

Мне передали, что церковь в состоянии выдавать пособия этим своим бедным прихожанам на американские деньги всего по 1–1,50 доллара в месяц. Как прожить на эти деньги? Явно нужна еще со стороны помощь»⁷².

На сегодняшний день известно несколько мест компактного захоронения русских в Салониках и их окрестностях. На союзническом военном кладбище Зейтенлик в окрестностях Салоник похоронены 419 русских. Помимо солдат и офицеров, погибших на Македонском фронте Первой мировой войны, там покоятся и участники Гражданской войны в России, попавшие в Грецию. Могила Трофима Литвиненко, скончавшегося 6 августа 1916 г., — первая на русском участке союзнического кладбища. Захоронения на кладбище Зейтенлик не отражают всех масштабов потерь русских на Македонском фронте, где наши войска потеряли около 4 тыс. убитыми. В 1916 г. русских могил здесь было всего 90, в 1917 г. — 135, а в 1918 г. — 32 могилы. Все остальные захоронения относятся к 1919–1930 гг. В первые годы появления русского участка кладбища на нем на погребения русских солдат и офицеров, сражавшихся на Македонском фронте, была построена деревянная часовня. В нее после расформирования 2-й особой пехотной дивизии, в которую вошли 2-я и 4-я особые бригады, было помещено дивизионное церковное имущество. Однако после нескольких краж из часовни в 1921 г. русская колония была вынуждена нанять туда сторожа, а имущество было передано в обитель сербскому епископу Варнаве⁷³. В конце 1930-х гг. на кладбище Зейтенлик стараниями сербов, которые в те годы всячески поддерживали русскую эмиграцию, была завершена реконструкция как на сербском, так и на русском участке. На каждом захоронении появился мраморный крест с именем усопшего. На кладбище перестали хоронить, и оно стало мемориальным. Последним на нем 21 августа 1930 г. погребен георгиевский кавалер генерал-майор Генерального штаба М.Ф. Ананио, возглавлявший Союз эллинов — офицеров бывшей Русской армии в Греции. Британское военное кладбище Микра было открыто в апреле 1917 г. и действовало до 1920 г. Кладбище значительно увеличилось после окончания войны, когда на него было перенесено множество захоронений с других кладбищ. Всего на кладбище 1810 могил, в том числе 147 могил военнослужащих других стран, из которых 38 русских. Большинство погребенных русских — это умершие в феврале 1920 г. в английских госпиталях в Салониках офицеры и солдаты Русской армии⁷⁴. После того как английское кладбище стало мемориальным и на нем прекратили хоронить, русские начали погребать соотечественников на соседнем муниципальном кладбище Каламарьи. В настоящий момент на русском участке размером 740 кв. м. находятся 124 могилы, в которых погребены 270 человек. К 1920-м гг. относятся 22 могилы, к 1930-м — 16, к 1940-м — 45, к 1950-м — 19,

⁷² *Серафим (Иванов), архиеп. РПЦЗ. Паломничество из Нью-Йорка в святую землю...*

⁷³ См.: ГА РФ. Ф. 6091. Оп. 1. Д. 1а. Л. 194.

⁷⁴ См.: Там же. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 2.

к 1960-м — 39, к 1970-м — 47, к 1980-м — 36 и к 1990-м — 9. За редким исключением, в одной могиле погребены 3–4 человека. К тому же со временем в могилы русских эмигрантов начали хоронить их греческих родственников, детей, родственников детей, а потом и внуков.

До сих пор не обнаружены могилы тех, кто умер в салоницкой русской больнице и в лагере Харилау, а среди них такие известные военные, как генерал-лейтенант Ф.Д. Лебедевич-Драевский (умер от разрыва сердца 20 июня 1926 г.), генерал-лейтенант Т.Ф. Бенескуль (покончил жизнь самоубийством 3 февраля 1923 г.), контр-адмирал П.Н. Иванов (скончался 23 декабря 1921 г.)⁷⁵, генерал-майор А.А. Веселовский (скончался 11 июня 1922 г.), сын генерал-лейтенанта Ф.Д. Лебедевича-Драевского штабс-капитан Б.Ф. Лебедевич-Драевский (скончался 4 февраля 1922 г.), полковник барон Нольде (скончался 13 января 1924 г.) и др., что говорит о существовании неизвестного пока некрополя, в котором погребали известных русских эмигрантов в 1920-е гг.

В 1955 г. в Салониках, так же как и в Афинах, по инициативе великой княгини Елены Владимировны Романовой и при поддержке Всемирной организации церквей был построен дом престарелых во имя Святого Пантелеймона на 60 человек, который просуществовал до 1970 г., когда здание стало использоваться под нужды школы катехизиса. Оставшиеся там к тому времени двенадцать русских эмигрантов были переведены в греческий дом престарелых Харисио, и их содержание взяла на себя Всемирная организация церквей. По инициативе же великой княгини Елены Владимировны Всемирная организация церквей в 1956–1957 гг. некоторых одиноких и немощных эмигрантов устроила в дома престарелых в других странах Европы и Америки. В 1968 г. завершилась и история лагеря Харилау. Жившие там русские эмигранты были переведены в построенный на средства Всемирной организации церквей 28-квартирный дом, где содержание одиноких и малоимущих взяло на себя «Христианское общество девушек» («Χριστιανική Ένωση Νεανίδων»). Оставшимся соотечественникам помогали русские общества из Америки, Кулаевский фонд для оказания помощи русским старикам и детям во всем мире, Восточноевропейский фонд и др. На первом этаже дома располагалось и бюро Союза русских эмигрантов в Македонии и Фракии, которое в 1980-е гг. насчитывало 33 человека и которое возглавлял Александр Степурский. В 1980-е гг. к грекам перешла и русская Свято-Никольско-Дмитриевская церковь лагеря Харилау. В эти же годы возникали и первые проблемы с кладбищем Каламарьи. Подорожание земли в Греции, в том числе и на захоронения, привело к противостоянию мэрии Каламарьи, желавшей уничтожить русский участок, и Союза русских эмигрантов в Македонии и Фракии, пытавшейся всеми силами сохранить память о великом русском исходе и о его трагической греческой странице⁷⁶.

⁷⁵ Некоторые военные скончались еще по пути в Салоники. Так, георгиевский кавалер генерал-майор Владимир Александрович Житкевич скончался от сыпного тифа еще на корабле «Святой Николай» в конце марта 1920 г. В апреле тело было снято с парохода и предано земле, вероятно, на городском кладбище в Салониках.

⁷⁶ См.: *Κοτούλα Η.* Ελληνική παροικία της Θεσσαλονίκης (1920 μέχρι σήμερα). Διπλωματική εργασία στο Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο της Θεσσαλονίκης 1986–1987. Σ. 34